

Михаил Салтыков-Щедрин

Недреманное око

**Михаил Евграфович Салтыков-
Щедрин
Недреманное око**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319052

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Недреманное око

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Прокурор, и было у него два ока: одно – дреманное, а другое – недреманное. Дреманным оком он ровно ничего не видел, а недреманным видел пустяки.

В этом царстве исстари так было заведено: как только у обывателя родится мальчик с двумя оками, дреманным и недреманным, так тотчас в ревизских сказках записывают: у обывателя Куралеса Проказникова, на Болоте, уродился мальчишечка, по имени Прокурор. И потом ожидают, когда мальчишечка в совершенные лета придет.

Так было и тут. Не успел мальчишечка от земли вырасти, как ему сейчас же доложили:

– Пожалуйте!

– С удовольствием. Но в скором ли времени предвидится сенаторская вакансия?

– Ах, сделайте милость! Как скоро, так сейчас.

– То-то.

Приосанился мальчишечка, посмотрелся в зеркало, видит: какой такой оттуда хитрец выглядывает? – ан это он самый и есть. Ладно. И, не говоря худого слова, сейчас же за дело принялся: дреманным оком ничего не видит, а недреманным видит пустяки. «Я, говорит, здесь на минутку, по дороге в сенат, а там и оба ока сомкну. Да и уши у меня, бог даст, к тому времени заложит».

Увидели мздоимцы, клеветники, душегубы, хищники и воры, что мальчишечка на них недреманным оком смотрит, и сейчас же испугались. Думали-думали, как с этим делом быть, и решили всем с недреманной стороны уйти и укрыться под сенью дреманного прокурорского ока. И сделалось с недреманной стороны так чисто, как будто ни лиходеев, ни воров, ни душегубов отроду никогда не бывало, а были и есть только обыкновенные лгуны, проходимцы, предатели, изменники и ханжи, до которых прокурору, собственно говоря, и дела нет. А мальчишечка видит, что от одного его недреманного взгляда такие чистые горизонты открылись, и радуется. Неужто, думает, начальство усердия его во внимание не примет?

И пошел он по судебно-административному полю гоголем похаживать. Ходит да посвистывает: «Бере-

гись! В ложке воды утоплю!»

Только видит: стоит человек и криком кричит: «Ограбили! батюшки, караул!» Разумеется, он – к ограбленному.

– Что ты, такой-сякой, на всю улицу зеваешь! вот я тебя!

– Помилуйте, Прокурор Куралесыч, воры!

– Где воры? какие воры? Врешь ты: никаких воров нет я не бывало (а они у него под ноздрею с дреманной стороны притаились)! Это вы нарочно, бездельники, незаслуживающими внимания жалобами начальство затруднить хотите... взять его под арест!

Идет дальше, слышит: «Мздоимцы, Прокурор Куралесыч, одолели! мздоимцы! лихоимцы! кривотолки! прелюбодеи!»

– Где мздоимцы? какие лихоимцы? никаких я мздоимцев не вижу! Это вы нарочно, такие-сякие, кричите, чтобы авторитеты подрывать... взять его под арест!

Еще дальше идет; слышит: «Добро казенное и общественное врозь тащат! чего вы, Прокурор Куралесыч, смотрите! вон они, хищники-то, вон!»

– Где хищники? кто казенное добро тащит?

– Вон хищники! вон они! Вон он какой домино на краденые деньги взбодрил! а тот вон – ишь сколько тысяч десятин земли у казны украл!

– Врешь ты, такой-сякой! Это не хищники, а соб-

ственники! Они своим имуществом спокойно владеют, и все документы у них налицо. Это вы нарочно, бездельники, кричите, чтобы принцип собственности подрывать! Взять его под арест!

Дальше – больше. «Жена мужу жизнь с утра до вечера точит!», «Муж жену в гроб, того гляди, заколотит!» – «Ни за чем вы, Прокурор Куралесыч, не смотрите!»

– Я-то не смотрю? А ты видел ли, какое у меня око? Одно оно у меня; но – ах, как далеко я им вижу! Так далеко, что и твою, бездельникову, душу насквозь понимаю! И знаю, чего вам, негодникам, хочется: семейный союз вам хочется подорвать! Взять его под арест!

Словом сказать, все союзы перебрал и везде нашел: сами по себе стоят союзы незыблемо, но крикунишки непременно им как пить дадут, ежели им своевременно уста не замазать. Л когда до государственного союза мальчишечка дошел, то и разговаривать не стал. Кричит как озаренный: «Взять его! связать его! замуровать! законопатить!» Сам кричит, а недреманное око так у него колесом и вертится в глазнице.

День-деньской таким манером мальчишечка мается, союзы оберегает, а к вечеру домой отдыхать вернется. Ляжет на кровать и думает: «Все-то я в полной мере, как хочется начальству, выполнил! хищников, мздоимцев, распутников и злоупотребителей с помо-

щью одного моего недреманного ока рассеял, а с подрывателями, кои не дельными жалобами начальство утруждают, особливо распорядился! Чисто, благородно. Надеюсь, что и начальство, с своей стороны, мои труды в надлежащей мере оценит».

– Чего, бишь, мне, например, пожелать? – говорил он сам себе. – В сенат ежели – так я еще на одно ухо слышу, да сенат от меня не уйдет... Вот кабы – хоть не теперь, а со временем – вот кабы в... да нет, это уж разве когда и обоняние я потеряю! Нет, вот сейчас, в ближайшем будущем, чего бы мне, например, пожелать?

Расстраивал-расстраивал себе воображение, да, наконец, и расстроил. «Жениться надо как можно скорее – вот что!»

И так как он для поисков невесты недреманное око в ход пустил, то, разумеется, сейчас же нашел. А именно: девицу Агриппину такой красоты, что ни в сказках сказать, ни пером описать. И при ней двести тысяч: точь-в-точь как при билете внутреннего с выигрышами займа полагается.

Женился. Отпраздновали свадьбу на славу з кухмистерской Завитаева и домой на новоселье приехали. Только смотрит мальчишечка, а новобрачная с чего-то под сень дреманного ока спряталась. Хвать-похвать: Ариппина! где ты?

– Не Агриппина я, но Агафья. И тезоименитство мое бывает пятого февраля.

Вот так штука! Даже побледнел мальчишечка с испугу: неужто в прохождение его службы чертовщина вмешалась?

– Покажись... Агафья! – вымолвил он.

Смотрит: и у Агафьи, как у него, одно око дреманное, а другое – недреманное. Только у него недреманное око с правой стороны, а у нее – с левой. Точно им сама судьба определила совместно прокурорское служение проходить.

– Приданое-то у тебя есть ли?

– И приданого у меня нет. Одно недреманное око – только и всего.

Ах, прах побери, да и совсем! Была-была Агриппина и вдруг Агафья сделалась! Стал он разыскивать, каким манером такое дело случиться могло, и оказалось, что очень просто. Покуда он недреманным оком в одну сторону стрелял, Агриппина на минуточку отлучилась да и вышла замуж за офицера. А он за себя взял... Агафью!

Делать, однако, нечего. Недаром же Завитаеву деньги за свадьбу отданы – надо как-нибудь жить. Легли они спать, да не остереглись: смотрят друг на дружку недреманными ока-ми – инда жутко ему стало! Ему-то жутко, а ей точно с гуся вода – даже приятно!

– Ведьма ты, что ли? – спросил он ее. – Сказывай!

– Нет, я не ведьма, но твоя законная жена. А до сих пор я крадеными старыми носками на Апраксиной торговала.

– Как «крадеными»? каким же образом я тебя не изловил?

– Разве ты можешь кого-нибудь изловить? Ты все в одну сторону оком стреляешь, а что у тебя под левой ноздрей делается – не видишь.

– Ну, давай вместе воров ловить, коли так. Я – справа, ты – слева.

Словом сказать, так отлично устроились, что через год у них сын родился, и тоже с дреманным оком.

– Вот так чудак! – воскликнул мальчишечка, взглянув на своего первенца.

Тут только он догадался, что как ни дорого дреманное око, а два обыкновенных глаза, пожалуй, еще того дороже.

Служба его между тем своим чередом прохождение имела. Постепенно он все тюрьмы крикунами наполнил, а хищники, мздоимцы, концессионеры и прочие подлинные потрясатели тем временем у него под сенью дреманного ока благодужествовали.

Долго ли, коротко ли так шло, только начал он со временем и на оба уха припадать. Даже дреманное око и то постепенно слипаться стало. Самое время,

значит, в сенат поспешать, пока да обоняния еще не утратил.

Слышит... зовут!

Надел он фуфайку фланелевую, носки шерстяные да сапоги валяные на ноги натянул; уши канатом закропатил, камфарным маслом надушился, в шубу закутался, а Агафья сверх шубы шерстяным шарфом его повязала. И пошел в сенат. Идет и думает: какой такой сон на первый раз он, сидючи в сенате, увидит?

Но тут случилось нечто совсем неожиданное. Пока да он недреманным оком все вправо да вправо стрелял, а сенат взял полсвее да с дреманной стороны и притаился. Ищет

Прокурор Куралесыч – и носом в воздухе потянет, и языком щелкнет, и даже руками кругом пошарит, – никак-таки нащупать сената не может.

Наконец видит: городской на посту бодрствует. Естественно – к нему. Так и так, служивый: не знаешь ли, куда девался сенат?

Взглянул на него городской и сразу недреманную душу его разгадал.

– Знаю, – сказал он, – сенат, вот он! Вон он на солнышке играет! Ишь посматривает, как бы какой шалун на закон не наступил... Ах ты, ах! Только не про всякого у нас место в сенате припасено. Ты вот глядел недреманным-то оком в книгу, а видел фигу, так

нынче этаких в здешнее место сажать не велено. Воротись лучше, калека, домой, валенки-тоними, глаза-то протри, уши промой да и ложись с бабой на печь спать!.. А у нас нынче так в здешнем месте заведено: чтобы и голова, и прочие члены – всё чтобы на своем месте было, а глаза и уши – у всех чтобы настежь!

Так и не попал Прокурор Куралесыч в сенат.